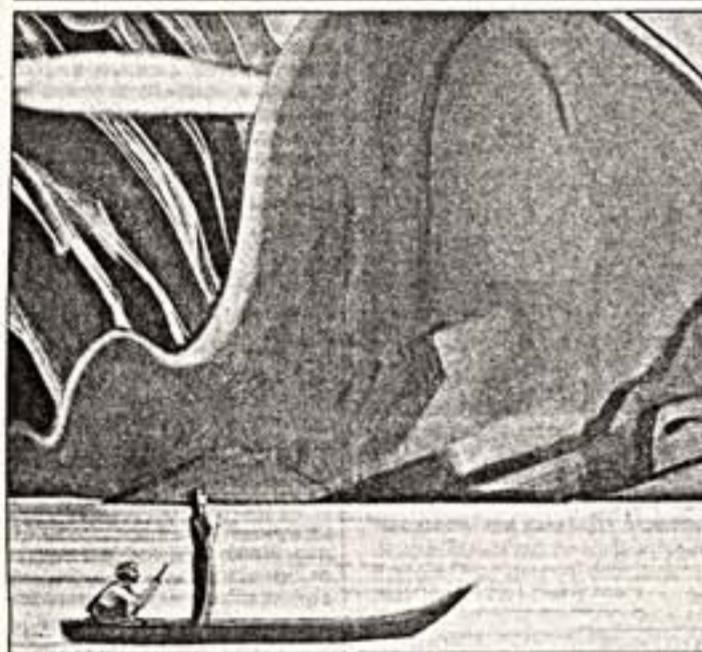
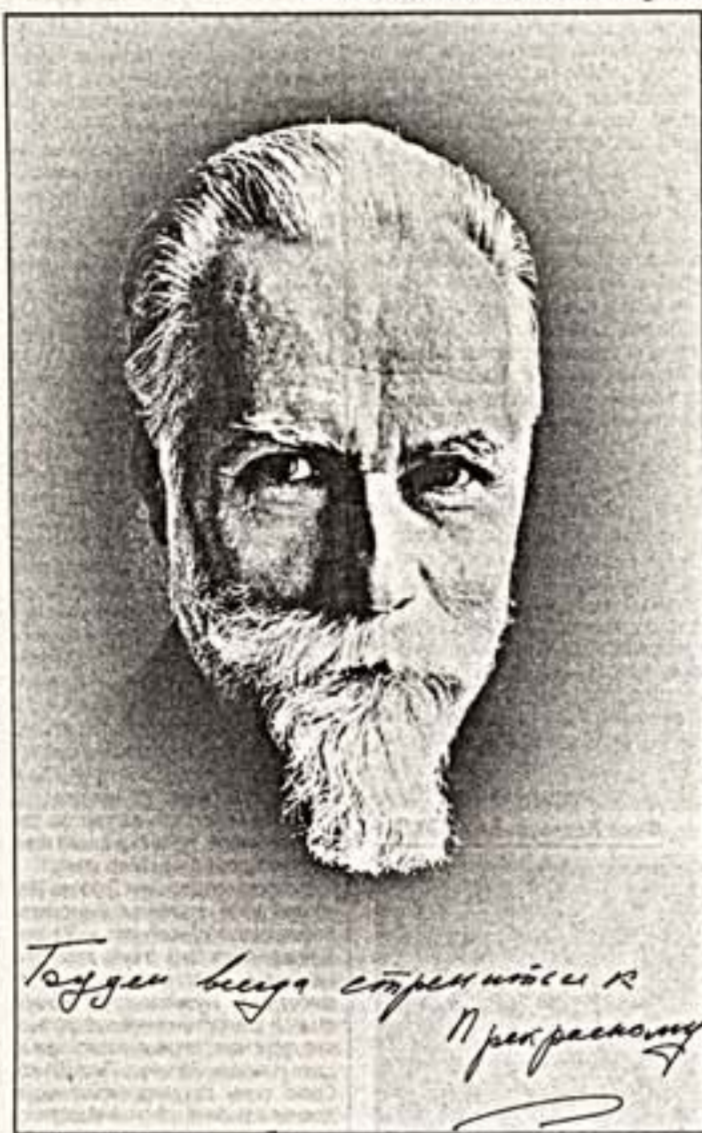
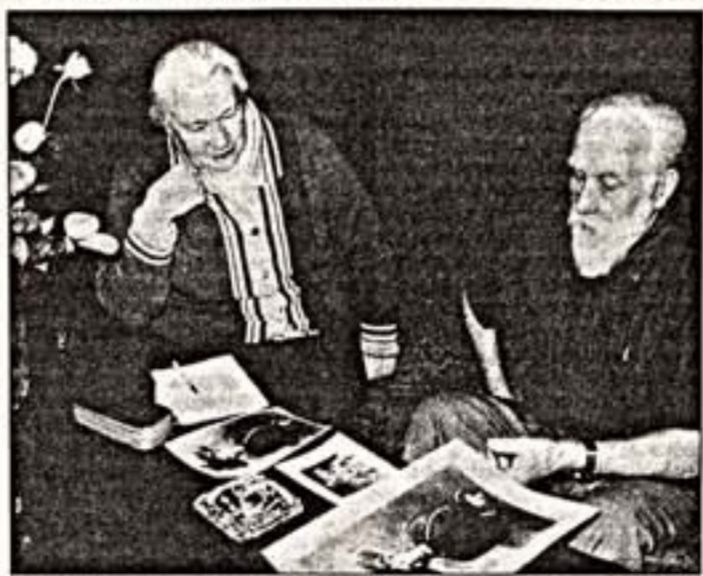

Философ реального Космоса

К 100-летию со дня рождения Святослава Рериха

С. Рерих. "И мы приближаемся"

Л. Шапошникова и С. Рерих. Москва, 1989 г.

Ю. Воронцов, Л. Шапошникова и Махмохан Сингх, премьер-министр Индии. Дели, 2004 г.

...Да-то в середине ночи самолет стал опускаться, и через какое-то время под ним появились электрические созвездия столицы Индии Дели. Вскоре среди них обозначились спящие посадочной полосы. Самолет слегка встряхнуло, и он, замедлив свой бег, остановился у трубы терминала. Мы покинули свои места и направились к выходу.

Делегация Международного Центра Рерихов была приглашена в Индию на юбилейные торжества. Кроме столетия со дня рождения Святослава Николаевича, отмечалось 130-летие со дня рождения Николая Константиновича и 125-летие — Елены Ивановны. В Дели, в Российском культурном Центре, открылись постоянная экспозиция, посвященная Рерихам, и прилегающая к ней фотогалерея с работами Святослава Николаевича. В Бангалоре, в его имении Таттунги, мы увидели мемориал в его честь, сделанный из черного и белого мрамора. В самом городе прошло торжественное заседание в честь юбилея. В эти дни вся Индия покрывалась только о Рерихах. О них писали газеты, выдвигали книги, были изданы почтовые конверты с портретами Рерихов, появились их памятные почтовые марки, специальные сувениры и много других. В гиндуйской долине Кулу, где находилась вилла Рерихов, шли красочные празднества, семинары, театральные представления, экспонировались выставки, посвященные Рерихам, и выставка картин главного юбилея — Святослава Николаевича. Любопытная река текла, не прекращаясь, по улице Рериха от Натара вверх, где все это происходило.

Я вошла во двор рериховской виллы и поразилась, как много здесь изменилось. Рядом с виллой выросли новые здания: одно — для выставок, другое — для семинаров и научных собраний. Все было построено на деньги Центрального правительства Индии и правительства штата Химачал Прадеш.

Первый раз я приехала в Кулу в 1972 году по приглашению Святослава Николаевича Рериха и его сестры Девы Рави.

Ничто здесь не напоминало ту Индию, которую я знала до сих пор. За городом, в долине, и в начале под руководством Святослава Николаевича осваивали долину Кулу. Мы много бродили во время прогулок, а иногда Святослав Николаевич приглашал меня на скамью, стоящую под дубом во дворе виллы.

Эти беседы запомнились мне на долгие годы. Но только теперь я поняла то, что в них был свой подтекст, который как бы пролегал через значительное время.

Тогда он рассказывал мне об архиве Елены Ивановны, своей матери, который составил философско-эстетическое исследование Рерихов. Потом через несколько дней повел меня в Институт Биологической Исследования "Урусати", расположенный выше по склону над виллой. Я знала, что этот Институт прекратил свою деятельность во время Второй мировой войны.

Мы поднялись по тропинке, выходящей по некрутому склону, и метров через пятьсот оказались на небольшой площадке, поросшей ярко-зеленой травой. Здесь стояли два здания Института. Над одним из них еще сохранился вывеска "Урусати".

— Везде этот склону и росла, — сказал Святослав Николаевич, — принадлежат Институту. Давать здесь архивы, которую мой отец Николай Константинович отдал для этой цели. Вот в этом доме, — Святослав Николаевич показал на первый из них, — работали и жили зарубежные сотрудники Института, а в следующем были лаборатории.

Чуть в стороне, неподалеку от склона, некогда стоял дом, в котором жили Святослав Николаевич Рерих в его эстетическом исследовании.

Шли гулять отдаленно в густой посадочной. Комнаты тонули одна за другой. Мы остановились перед дверью. Заржавевший механизм долго не поддавался. Наконец мы оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно прикрытые ставни. Когда глаза привыкли к полумраку, и увидела яшню, которые проглядывали друг на друга. Яшню было много, их покрывал толстый слой пыли. По стенам стояли заставленные шкафы.

— Наши копилки, — коротко бросил Святослав Николаевич.

— Это были коллекции, частично оставшиеся от Центрально-Азиатской экспедиции Рериха и собранные экспедициями самого Института, — богатейшей научной материал, к которому некогда дозволено лет не прикасалась рука человека. В заставленных шкафах и ящиках находилось собрание ценнейших этнографических и археологических находок. Ориенталистическая коллекция насчитывала около 400 видов растений, которые несли на своих стеблях и листьях, ботанические, полностью представляли флору долины Кулу. Биологическая содержала немало редких минералов. Тут же были и зоологические, фармакологические, палеонтологические коллекции.

Видящие ученые Индии и мира, такие, как А.Ойштайн, Р.Миллман, Дж.Чандра Бос, Н.И.Вашков, сотрудничали с Институтом. Рерихи провели крупнейшую в XX веке Центрально-Азиатскую экспедицию и разработали накануне Второй мировой войны План по защите культурных ценностей. План называли именем Рериха. Мы прошли в следующую комнату,

идеала, справедливо считал он. Разрушение этого идеала — духовного или эстетического — приводит к обезображиванию жизни, к гибели ее эволюционного стержня. Угрюмо высказываясь, он говорил, что в нашей стране сейчас во всем мире и в нашей стране также. С этой точкой зрения работы Святослава Николаевича имеют для нас неограниченное значение.

Из многих своих бесед со Святославом Николаевичем я поняла, как основательно и серьезно занимал он вопрос — что именно способствует появлению в искусстве Великого Мастера и какова его действительная роль в эволюции. Он говорил мне, что в размышлении обо всем этом, порою мы даже сплываем... Как-то во время моего очередного визита к нему он протянул мне стопку машинописных листов. Это были его лекции о пумавизме в искусстве в одном из индийских университетов. И в ней я нашла глубокую формулировку кавказского Великого Духа и Великого Мастера. Эти лекции, выходящие за пределы культурной близости, но и общие в понимании обоих народов, находило на серьезные размышления. Потому Рерихи оставили в Индии на многие годы. В сотрудничестве с великими Учителями Индии Рерихами была создана философия реального Космоса — Живая Этика, — которая является началом нового, космогонического мышления.

Важнейшую роль в этой работе сыграла выдающийся философ Елена Ивановна Рерих.

Святослав Николаевич Рерих участвовал во всех начинаниях своей великой миссии. Он был выдающимся художником, философом, ученым, занимавшимся естественными науками, и выдающимся общественным деятелем.

Его творчество было пронизано идеями философии реального Космоса. Святослав Николаевич был не только последователем, но и творцом этого мировоззрения. Как великий философ, он по-своему сумел осмыслить и развить его важнейшие положения и идеи. "Наше внутреннее стремление к чему-то более совершенному, — говорил он об источнике своего вдохновения, — великое прерождающее явление той великой внутренней силой, которая изменяет нас и изменяет такую нашу жизнь. Это великое внутреннее стремление не может развиться в одиночку, оно нуждается в поддержке знания и опыта". Святослав Николаевич привнес в это энергетическое искусство, в котором он был наиболее близок, опыт в познании космоса, который он постигал в своем опыте работы. "Для меня реально и очевидно, что в искусстве и красоте заключены сверхъестественные силы", — пояснял он. Он употребил слово "сверхъестественный" отдельно в разговоре со мной, а имея в виду ту энергетику высшего вибрации, которая еще недоступна человеку.

Красота, в которой мы соприкасаемся в нашем плотном физическом мире, может разделиться на две группы. Красота, созданная энергетикой Природы и неощущаемая в себе, дух, и Красота рукотворная как результат творчества самого человека, такая осязаемая в себе его силу или энергию духа. Святослав Николаевич как художник и мыслитель привнесла в первое творчество, тайну Красоты рукотворной. Он исследует ее механизмы, стремится определить ее скрытые законы и пролить сокровенные корни. Красота не может быть создана без высшего

те же танца и мимикры. На полу, приклеенные к ювелирным полкам и покрытые полированным, стелли картонные коробки мастеров. Много было мне знакомо по выставкам, репродукциям и по личному общению с автором здесь же, в мастерской. Но вот, вынуть из полированной упаковки, передо мной заискрились картонки, которые я раньше не видела. Рерих, светящийся краской, странной, как будто земной и в то же время незнакомой формы. Тонкое красное женское лицо, возмущение на какие-то приглушенные обаяние, дурной и в то же время не дурной, струящаяся осязаемая и освещающая их кинурит. Затруднено и сейчас дать точное описание увиденного мною. Но тогда поняла, что на другом пространстве полотна Святослава Николаевича изображал тонкий мир четвертого, а может быть, и более высокого измерения. Полотно несли в себе уникальный духовный опыт самого мастера и повествовали о реальности и доступности незримых мерок. К сожалению, через полтора эти картонки были показаны вместе с другими драгоценными семей его секретарем Марии Пуча.

Когда он остался один, в это дело не было — 33 года, — он считал своим долгом хранить память об ушедшем Рерихе. В наше бедное Святослав Николаевич часто возвращался к родителям и старшему брату. Вспомнил о самом сокровенном, что носил они в себе. Все семьи была единым духовным явлением, что встречались крайне редко в нашей обычной жизни. Связанной с Николаем Константиновичем творческим союзом Святослав Николаевич и его брат Борис оставили следы, которые как бы отпечатались на картоне-расстояние от фигуры отца, чтобы описать величие, которое тот неск в себе как человек, художник, ученый и мыслитель. И эта отстраненность рождала у Святослава Николаевича тоньше и преле слова, определяющие суть великого человека. "Пройдет еще много лет — писал он, — прежде чем все творчество будет оценен вклад Николаем Константиновичем в сокращении культуры человечества и его глубокой преданности будущему. Его юности включили в себя самые замечательные мысли и чаяния всех народов всех стран. Но это дело будущего".

Осмысливая значение творчества отца, Святослав Николаевич отмечал одну его важную черту — тесную связь с Россией, подлинный его патриотизм и неограниченную любовь к Родине. Сам он не принимал никаких русских изданий и искусствоведов, особенно распространяющих в 80-е годы прошлого столетия, что русским художником Николаем Константиновичем можно считать только до поездки его в Индию. По сути этого, по его разумению, он тесно и не являлся. Помню, в один из моих визитов в Бангалор Святослав Николаевич пригласил в загородное имение и там показал мне удивительные, прекрасные картины отца. Многие из них я еще не знала. Мы сидели в мастерской, и двое служителей бережно ставили на мольберт одну за другой картины Николая Константиновича, так было в Индии. Мне до сих пор трудно забыть то потрясающее впечатление от этих произведений, их глубокой красоты, от сочетания красок, музыки цвета, которая звучала с каждого полотна.

— Ну как? — спросил Святослав Николаевич. И я поняла, что и он не знал, не зная в который раз, под волшебным воздействием этих полотен.

— У меня нет слов, — ответила я.

— Вы знаете, и я и мнел не находил слов, когда я видел эти удивительные картины Николая Константиновича. А кстати, — улыбаясь, спросил он, — смогли бы вы, не зная, эти вещи принаследовать картины, определить национальность художника?

Вот это был самый неожиданный, и я не смогла сразу на него ответить. Мне и в голову не пришло искать национальности автора. Святослав Николаевич, видя мое затруднение, пояснил:

— Это важный вопрос, по крайней мере, для меня. Можно ли картины Николая Константиновича считать русской живописью?

— А как вы думаете? — спросила я.

Он как-то задумчиво посмотрел на меня и сказал:

— Конечно, можно.

— Почему? — спросила я.

— Давайте посмотрим еще раз эти картины и ответим на этот вопрос.

Мы поехали и через какое-то время я поняла, что перед мной действительно картины русского художника. Кроме своеобразия стилей и форм, от картин исходила энергия, если можно так сказать, неощущаемая, но вполне реальная. Определить эту энергию своими словами я не смогла. На помощь пришел Пушкин: "Здесь русский дух, здесь Русью пахнет". Когда я прочитала эти слова, Святослав Николаевич как-то весь преобразился, и я бы сказала, засветился.

— Ах, как хорошо сказал Пушкин! — воскликнул он.

— Так же как и остальные Рерихи, Святослав Николаевич любил Россию, был охвачен ее культурой, убежден в высокой миссии страны. Он всегда верил в ее будущее и всегда ощущал ее как свою Родину, которую он полюбил и преданнейшим мальчиком. Его высказывания о России глубоки и точны. Мне хочется привести несколько из них.

— Я всегда верил, — говорил он, — что Россия предопределена особым, исключительным путем. В России сошлись Восток и Запад. А потом ее размеры, географическое положение... Все это чрезвычайно важно".

Людмила ШАПОШНИКОВА

PS. Приведены цитаты из книги Рерих С.Н. "Стремление к Прокраму", М., 1993

КНИГИ

Похищение Европы и новые варвары

Один мой знакомый, французский вояка и морской пехотинец в отставке, обвел всю Европу в белых плащах похитителей Европы, старой и доброй, да хорошо было бы жить, потому европейской областью. Живем на русской, европейской породе в России и поняли, что и "Здесь жить нельзя". Европу отменили по-настоящему.

Недавно познакомился на прилавке юта Ворни Кнабе "Жагда тождества" на серии "Гении по истории и теории культуры", издаваемой РГГУ с 1993 года, посвящая острой проблеме, на языке академической и проблемной выживания человека и культуры, — социально-культурной идентичности. Неслучайно к ней обращаются культурологи мирового уровня, профессор С.Кнабе: специфика такого класса сегодня в мире можно переосмыслить по логике одной руки.

Человеку во все времена было важно ощущать себя частью какой-либо общности и воспринимать такую принадлежность как ценность. Именно это и называется идентичностью. Человек всегда — неидентифицирующийся индивид, личность, но реализовать свою индивидуальность он может только через принадлежность к общности.

Проваленность свойства идентичности вообще, автор проследил ее механизмы ее реализации в античной традиции, задавая вопрос: что такое европейская культурная идентичность, в социологической истории России и ее судьбы в культуре пост-модерна.

В современной ситуации любая коллективная норма, даже языковая или этническая (да на существовании нормы строится всякая культура) объявляется регрессивной по отношению к личности. Правила политкорректности запрещают любое деление на "своих" и "чужих", поскольку это унижает достоинство других людей. Негативно портится своими выгодами, поскольку, по сути, у других предостерегает. Если нормы, нормы человека — white male, белый мужчина, как в культуре модерна, то он регрессивен по отношению к женщине, по отношению к детям, цветным, пенсионерам, больным и заключенным, а потому должен быть отвергнут. Постмодерн объявляет неадекватными различия истинны и лжи, доброго и злого, прекрасного и безобразного. Идентификация тоже отменяется. "А кто с этим справится не может — по мнению постмодернистов, "ради и постмодернистской реакции", — констатирует автор.

Однако сообщество с иной ментальностью, ради равенства с которыми и проводится политика отказа от идентификации, думают уми, неосознанно и воспринимают постмодернистские нормы как слабость и стимул для агрессии. "Жить дру-

но" можно с тем, кто хотя бы признает свое право на существование. Выход один — уйти подальше в частное метро, чтобы дать место другому, иное — когда тот с которым ты учишь, действует, исходя из принципа, что тебя вообще не должно быть в вагоне и на свете, поскольку только такое замечание, полагали мы. Заключение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и цивилизации о мире. Если запрещение об отмене "своего" и "чужого" ведут не к толерантности, как это представляется идеологам постмодернизма, но, напротив, к самой опасной интерактивности: "миллионы... европейцы и американцы — не расисты и не ностальгирующие реакционеры, они просто хотят жить в стране своего диалога и призраков и идентифицируются с ней, жить среди своих и не жить среди чужих, хотя бы эти чужие были рыцари, тогда бы вели себя подобно рыцарям, не называя диктатура собственными образами жизни и